

«ЦИФРОВАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. В. Бродовская

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993 (ГСП–3), Москва, Ленинградский пр., 49
Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. М. Пироговская., 1/1

А. Ю. Домбровская

Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, 1/1
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993 (ГСП–3), Москва, Ленинградский пр., 49

Р. В. Пырма

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993 (ГСП–3), Москва, Ленинградский пр., 49

А. А. Азаров

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993 (ГСП–3), Москва, Ленинградский пр., 49

А. В. Синяков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, 1

Результаты исследования установок молодежи России на реализацию «цифрового гражданства», представленные в статье, основаны на Всероссийском массовом опросе молодежи, проведенном в июле — октябре 2018 г. Итогом корреляционного анализа с использованием коэффициента Фишера стало выявление значимых связей между оценками молодым поколением сетевых политических и гражданских практик и ценностными ориентациями, гражданскими установками, социально-демографическими характеристиками. Установлено доминирование нескольких профилей указанных взаимосвязей. Первый из них отражен в скептическом отношении российского молодого поколения к политическим функциям глобальной сети Интернет и тяготении к «сетевому политическому абсентеизму» молодежи, ориентированной на такие ценности, как семья, дружба и путешествия по миру. Второй профиль — позитивное отношение к сетевому протесту той российской молодежи, которая ценит материальное богатство, тех, кто считает защиту слабых и борьбу за справедливость главными способами проявления гражданственности, а также представителей позиции неосознания проблемы распространения наци-

анализа в глобальной сети и осуждения государственного контроля интернет-контента. Третий профиль — восприятие сетевой коммуникации как способа повышения личного и общественного благополучия — характеризует семейно ориентированных молодых россиян и тех из них, для кого сохранение родного языка — основное проявление гражданственности. Результаты исследования могут представлять интерес для Министерства просвещения РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, учебных заведений с позиций разработки и реализации технологий формирования «цифрового гражданства» молодого поколения россиян.

Ключевые слова: российская молодежь, цифровое гражданство, сетевое гражданское участие, сетевое политическое участие, ценностные ориентации, проявления гражданственности, сетевая свобода, сетевой контроль, онлайн-анкетирование, корреляционный анализ, коэффициент Фишера.

Одним из новых направлений исследований влияния цифровизации на процессы политической адаптации представителей «поколения Z» является концепция «цифрового гражданства». Понимаемое в широком смысле, «цифровое гражданство» трактуется как совокупность ценностей, норм, установок и стратегий поведения, сопряженная с ответственным и эффективным использованием интернет-технологий, интернет-сервисов и возможностей цифровой демократии. С одной стороны, молодые россияне являются одной из самых многочисленных и активных аудиторий «сетевого клуба» как в масштабе национальной интернет-аудитории, так и в глобальном измерении. С другой стороны, именно данная часть онлайн-пользователей в первую очередь испытывает на себе риски, издержки, барьеры цифровых коммуникаций, зачастую снижающие эффективность и безопасность образовательной, профессиональной, социально-экономической и политической деятельности в офлайн- и онлайн-средах.

Исходя из этого, базовый исследовательский вопрос заключается в определении уровня готовности молодого поколения россиян к целенаправленной, эффективной и безопасной реализации гражданских и политических задач, способствующих максимизации позитивных эффектов цифровизации в отношении развития гражданского общества и электронной демократии.

Ключевая гипотеза исследования базируется на предположении, согласно которому результативность формирования культуры цифрового гражданства в меньшей степени отражает интенсивность вовлеченности молодежи в интернет-коммуникации и в большей степени зависит от ценностного профиля респондентов, а также восприятия ими границ свободы и безопасности в цифровом пространстве.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Согласно основоположнику концепции «цифрового гражданства» К. Моссбергер, данное понятие понимается как способность индивидов участвовать в жизни общества, реализовывать свои гражданские обязанности в ходе сетевой коммуникации (Mossberger, Tolbert, McNeal, 2007).

В рамках концепции цифрового гражданства ряд авторов сосредоточили свое внимание на методических вопросах подготовки и адаптации граждан

к жизни в цифровой среде. Так, М. Риббл определяет цифровое гражданство как нормы надлежащего, ответственного поведения в отношении использования технологий (Ribble, 2012). Он предлагает авторскую методику обучения цифровому гражданству для того, чтобы помочь студентам стать продуктивными и ответственными пользователями цифровых технологий. В свою очередь, Л. Джонс и К. Митчелл делают акцент на образовательных технологиях достижения качественного состояния цифрового гражданства молодежи (Jones, Mitchell, 2016). К. Маттсон фокусирует внимание на бенефициарных аспектах программ цифрового гражданства молодежи (Mattson, 2017). Такие исследователи, как У. Беннетт, С. Уэллс и А. Ранк, исследуют возможности школьного гражданского образования в онлайн- и офлайн-средах (Bennett, Wells, Rank, 2009). Д. Олер предлагает пересмотреть роли граждан в современной глобально связанной инфосфере и принять всеобъемлющую дорожную карту для движения к гражданству в XXI в. на основе востребованных цифровых компетенций (Ohler, 2010).

Значимое направление исследований цифрового гражданства отражено в работах, анализирующих политическую сторону вопроса. В частности, Л. Эррера рассматривает цифровое гражданство в плоскости политического активизма молодежи и создания новых моделей гражданской активности (Herrera, 2012), тогда как А. Вромен изучает радикальные эффекты, которые возникли в социальных сетях и цифровой политике, то, как правозащитные организации мобилизуют и организуют граждан для участия в политической жизни. Она доказывает, что эти изменения не только обусловлены технологическим прогрессом, но и подкреплены гибридными системами СМИ, новыми политическими нарративами и новым сетевым поколением политических акторов (Vromen, 2017). Убедительны исследования М. Кайго, который доказывает, что воспитание цифрового гражданства, содействие социальному и политическому участию в цифровой среде — жизненно важный элемент здоровой демократической системы (Kaigo, 2017). Оценивая потенциал влияния цифровизации, Л. Джорба и Б. Бимбер пытаются ответить на вопрос о реальности увеличения политического или гражданского участия за счет использования цифровых средств массовой информации (Jorba, Vimber, 2012). Обозначенные исследования задают направления расширения дискурса цифрового гражданства в области социализации, образования, коммуникаций и политики.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование носит междисциплинарный характер, поэтому его методологическую основу составляют следующие подходы:

- культурно-деятельностный подход (Выготский, 1984; Лотман, 1992), позволяющий трактовать онлайн-сетевую коммуникацию в качестве дополнительного условия экстерииоризации и интериоризации;
- информационно-технологический подход к гражданской и политической адаптации онлайн (Belshaw, 2011), главным принципом которого является диверсификация стратегий социализации и деятельности онлайн;

- сетевой подход (концепция политических сетей) (Blatter, 2003), акцентирующий внимание на мобилизующих функциях политических институтов; акторно-сетевая теория (Latour, 2005), отражающая идею относительно формирования и усиления акторов, прежде всего во взаимодействии в сети;
- социологический неоинституционализм (идея «когнитивного поворота» в неоинституционализме У. Даллингера (Кравченко, 2008)), рассматривающий институт как когнитивный фрейм или паттерн знания.

МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ

Аккумуляция эмпирических данных осуществлялась в процессе Всероссийского массового опроса молодежи в формате онлайн-анкетирования (1500 респондентов в возрасте от 15 до 24 лет, выборочная совокупность репрезентативна по территории проживания, полу и возрасту).

Анализ базы данных опроса произведен в процессе корреляционного анализа с использованием программы SPSS Statistics 22.0. Использовался z-критерий Фишера с поправкой Бонферрони на множественность сравнений. Уровень значимости 95 % (альфа=0,05). Статистическая значимость различий в группах (влияние группового различия на зависимую переменную) определялась на основе Z-теста.

В числе *независимых переменных* — индикаторы отношения российской молодежи к различным онлайн-сетевым практикам и ее социально-демографические характеристики:

- развитие онлайн-сетевых политических партий и движений;
- развитие онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций;
- развитие онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций;
- развитие онлайн-сетевых форм протестных движений;
- голосование посредством интернет- и мобильных технологий;
- образовательный статус;
- гендерная принадлежность;
- возраст;
- профиль образования;
- место жительства;
- оценка материального положения.

Зависимые переменные — это индикаторы ценностного типа респондентов, «профиля проявления гражданственности» и модальности отношения к свободе и контролю в сети Интернет:

- значимые жизненные ценности;
- способы реализации роли гражданина страны;

- степень осознания важности проблемы распространения экстремистских материалов и иного незаконного контента в Интернете;
- отношение к государственному контролю сетевого контента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Корреляционные взаимосвязи ценностного типа российской молодежи с оценкой практик «цифрового гражданства» и социально-демографическими характеристиками. Согласно интерпретации Z-теста (z-критерия Фишера) с поправкой Бонферрони на множественность сравнений, наиболее значимые корреляции семейно ориентированной молодежи, составляющей 52,3% респондентов, наблюдаются в отношении к развитию онлайн-сетевых политических партий и движений, развитию онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций, голосованию посредством интернет- и мобильных технологий, а также к образовательному статусу, полу и материальному положению. В соответствии с рис. 1 те молодые респонденты, у которых доминирующей жизненной ценностью является семья, чаще, чем представители других ценностных типов, выражают абсолютное равнодушие к возможностям развития онлайн-сетевых политических партий и движений. Вместе с тем рассматриваемая подгруппа опрошенных более интенсивно по сравнению с остальными одобряет такие онлайн-практики, как развитие онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций и голосование посредством интернет- и мобильных технологий. Исходя из этих данных, следует говорить о семейно-ориентированных молодых россиянах, составляющих большую часть опрошенных, как о людях, которые в сетевом пространстве ценят возможности повышения социального благополучия и рассматривают интернет-коммуникацию как средство повышения жизненного комфорта, оставаясь безразличными к политическим функциям онлайн-среды. В большинстве случаев такие респонденты — студентки, оценивающие свое материальное положение как среднее с разным профилем образования и типом места жительства.

Рис. 1. Значимые корреляции ценности «семья» (уровень значимости 95%; альфа=0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное

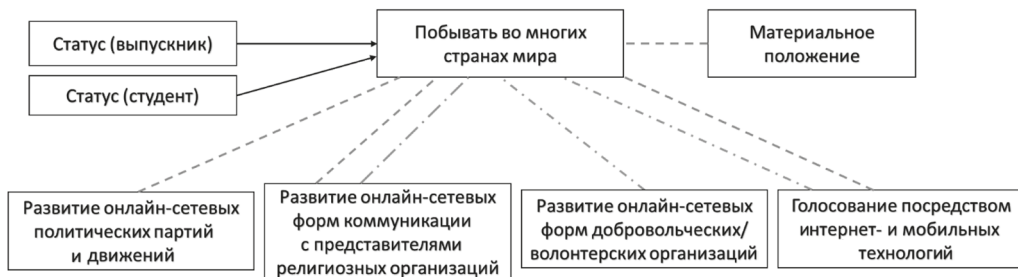

Рис. 2. Значимые корреляции ценности «побывать во многих странах мира» (уровень значимости 95%; альфа = 0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное, длинным пунктиром с точкой — негативное

Следующий тип ценностных ориентаций, как и предыдущий, чаще всего реализуется представителями феминной гендерной группы и представляет собой сфокусированность на возможностях путешествий по всему миру как значимой ценности (44,4% всех опрошенных). Данная подгруппа российской молодежи, подобно семейно ориентированным респондентам, демонстрирует нейтральное отношение к развитию онлайн-сетевых политических партий и движений. Примечательно, что данная подгруппа чаще, чем другие ценностные типы, негативно относится к развитию онлайн-сетевых форм коммуникаций с представителями религиозных организаций. Однако для анализируемых респондентов характерно в целом позитивное отношение к развитию онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций и голосование посредством интернет- и мобильных технологий (рис. 2). Таким образом, молодежь, нацеленную на путешествия по миру, мало интересуют политические потенциалы цифрового пространства, а возможности онлайн-взаимодействия с духовными лицами вовсе вызывают негативные реакции. Вместе с тем данная подгруппа молодежи одобряет сетевые практики, ориентированные на решение социальных проблем и помощь нуждающимся, а также возможности дистанцированного электорального поведения. Среди сфокусированных на путешествия больше всего выпускниц вузов со средним материальным достатком.

Третья по распространенности ценность для опрошенных — наличие надежных друзей (43,3% респондентов; сумма долей, относящихся на подгруппы различных ценностных типов, больше 100% в связи с тем, что респонденты могли выбрать три основных духовных ориентира). Значимые корреляции у этой подгруппы прослеживаются исключительно с нейтральным отношением к таким интернет-практикам, как развитие онлайн-сетевых политических партий и движений, онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций и развитием онлайн-сетевых форм протестных движений (рис. 3). Другими словами, данная подгруппа молодежи выражает наибольшую степень равнодушия к возможностям реализации гражданских форм сетевого участия и демонстрирует абсентеистские ориентации. Строгой привязки к со-

Рис. 3. Значимые корреляции ценности «иметь надежных друзей» (уровень значимости 95%; альфа=0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, длинным пунктиром с точкой — негативное

циально-демографическим характеристикам у этой подгруппы фактически не выявлено.

Следующий по популярности тип ценностных установок российской молодежи — ориентир на занятие любимым делом и на творчество (42,2% опрошенных). Эта подгруппа имеет лишь две значимые корреляции: с нейтральным отношением к развитию онлайн-сетевых политических партий и движений и принадлежностью к феминной гендерной группе.

Обращают на себя внимание корреляции, выявленные для подгруппы молодежи, нацеленной на ценность «стать богатым человеком» (21,2% опрошенных). Эти респонденты заметно чаще и интенсивнее положительно оценивают развитие онлайн-сетевых политических партий и движений и развитие онлайн-сетевых форм протестных движений. Таким образом, молодежь, ориентированная на повышение своего материального положения, в наибольшей степени ценит политические функции сетевой среды и возможности выражения онлайн своего особого взгляда на политический курс и решения действующей власти. Примечательно, что корреляции также установлены с принадлежностью к маскулинному гендеру этой подгруппы и техническим профилем образования.

Еще одна ценностная ориентация, имеющая значимую корреляцию с положительной оценкой развития онлайн-сетевых политических партий и движений, — это нацеленность на статус элиты общества (8,9% опрошенных). У молодежи, нацеленной на статус элиты, также выявлена значимая корреляция с позитивной оценкой развития онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций. Однако у данной подгруппы также наблюдается значимая корреляция с негативным отношением к голосованию посредством интернет- и мобильных технологий (рис. 4). Социально-демографические характеристики представителей анализируемой подгруппы коррелируют с гендером (маскулинная общность) и с высокой оценкой своего материального положения. Исходя из перечисленных данных, молодежь, имеющая установку на попадание в элиту общества, в целом высоко ценит возможности

Рис. 4. Значимые корреляции ценности «попасть в элиту общества» (уровень значимости 95%; альфа=0,05); пунктиром обозначено положительное отношение к онлайн-сетевой практике, длинным пунктиром с точкой — негативное

сетевого диалога различных социальных слоев и групп населения, однако с подозрением и скепсисом относится к возможности выразить свой электоральный выбор онлайн.

Интересно, что выбор следующих ценностей: наличие интересной работы (38,2% опрошенных), построение карьеры (22,2% респондентов), ориентированность на собственный бизнес (19,4% молодежи), ценность «честно прожить свою жизнь» (19,2%), получение хорошего образования (18,0%), ориентир на наличие большого объема свободного времени (13,8%), ценность «стать знаменитым» (8,7%) — вовсе не дал значимых корреляций с оценками гражданских сетевых практик.

2. Корреляционные взаимосвязи «профиля проявления гражданственности» российской молодежи с оценкой практик «цифрового гражданства» и социально-демографическими характеристиками. Наибольшее число взаимозависимостей имеет «профиль проявления гражданственности» молодежи, отраженный в «бережном и уважительном отношении к традициям страны и ее народов» (54,0% опрошенных; рис. 5). Эта доминанта коррелирует с нейтральным отношением к развитию онлайн-сетевых политических партий и движений, равнодушием к развитию онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций, безразличием к развитию онлайн-сетевых форм протестных движений, позитивной оценкой развития онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций. Корреляции с социально-демографическим портретом выражены во взаимосвязи этого профиля со статусом студента, феминной гендерной группой, гуманитарным профилем образования и средней оценкой своего материального положения.

«Профиль проявления гражданственности», нацеленный на ценность нарушения законов государства (40,8% респондентов), имеет лишь одну значимую корреляцию — взаимосвязь с негативным отношением к развитию онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций. Это очевидным образом свидетельствует об ассоциировании сетевых форм актив-

Рис. 5. Значимые корреляции гражданской ценности «бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов» (уровень значимости 95%; альфа=0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное

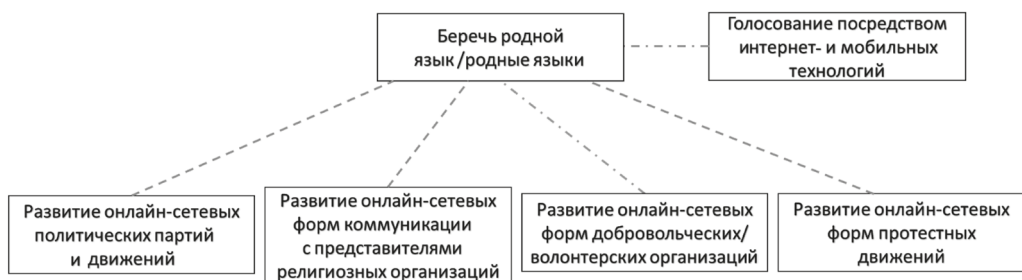

Рис. 6. Значимые корреляции гражданской ценности «беречь родной язык / родные языки» (уровень значимости 95%; альфа=0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное

ности религиозных институтов с практикой, нарушающей закон. В отношении корреляции этого профиля с социально-демографическими характеристиками выявлено только одно соответствие — взаимосвязь с принадлежностью к феминной гендерной группе.

Довольно распространенный среди опрошенных «профиль проявления гражданственности», связанный с ориентиром на сохранение родного языка/родных языков (40,2% респондентов), обладает довольно заметным числом значимых взаимосвязей (рис. 6). У рассматриваемой подгруппы выявлены корреляции с нейтральной оценкой развития онлайн-сетевых политических партий и движений, безразличным отношением к развитию онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций, равнодушием к развитию онлайн-сетевых форм протестных движений, позитивной оценкой развития онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций, оптимистическим взглядом на голосование посредством интернет- и мобильных технологий. Также выявлена единственная значимая корреляция анализируемой подгруппы с возрастом (20–24 года). В целом эти данные указывают на взаимосвязь ориентированности на сохранение родного языка со сдержанным

отношением к потенциалу сетевой политической коммуникации за исключением высокой оценки голосовать в дистанте, а также одобрением роли сетевых технологий в развитии институтов гражданского общества, в том числе развитии добровольчества.

Установка на защиту слабых и стремление к справедливости (37% всех опрошенных) коррелирует с позитивным отношением молодежи к развитию онлайн-сетевых форм протестных движений, что может объясняться ориентированностью тех респондентов, для которых важна ценность справедливости, отстаивать данную установку с помощью сетевых форм критики социальной несправедливости. Чаще всего такие опрошенные пребывают в возрасте от 20 до 24 лет.

Такой «профиль проявления гражданственности», который отражен в ценности гордости за победы предков (29,2% респондентов), имеет значимые взаимосвязи с положительной оценкой молодежью развития онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций и негативным отношением к развитию онлайн-сетевых форм протестных движений. Иными словами, ориентированность на ощущение гордости за победы предков предопределяет лояльное отношение молодого поколения к интернет-представительству духовных институтов и скептицизм относительно сетевого протеста. Выявлена корреляция данного «профиля проявления гражданственности» с негородским образом жизни опрошенных.

Для ценности «готовность служить в армии» характерны значимые взаимосвязи с нейтральной оценкой развития онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций, критическим отношением к развитию онлайн-сетевых форм протестных движений и безразличием к голосованию посредством интернет- и мобильных технологий. Таким образом, ориентация на исполнение воинского долга перед Родиной тесно коррелирует со скепсисом в отношении сетевой среды как пространства реализации политических и гражданских активностей. Установлены значимые корреляции данного профиля со статусом школьника и негородским образом жизни (жители поселков и сел).

Установки на причастность к великой культуре (19,5% респондентов) и доверие согражданам (10,7% опрошенных) не обладают значимыми корреляциями с отношением к онлайн-сетевым гражданским практикам.

3. Корреляционные взаимосвязи отношения российской молодежи к свободе и контролю в сети Интернет с оценкой практик «цифрового гражданства» и социально-демографическими характеристиками. Установка на осознание исключительной важности проблемы онлайн-пропаганды национализма и другого контента, нарушающего закон (33,5% опрошенных; рис. 7), значимо коррелирует с негативным восприятием развития онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций, критическим отношением к развитию онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций и скептицизмом относительно развития онлайн-сетевых форм протестных движений. Другими словами, осознание сложности и остроты проблемы незаконного контента обуславливает критичность в отношении различных онлайн-сетевых практик реализации гражданской и политической активности.

Рис. 7. Значимые корреляции установки на осознание остроты и важности проблемы онлайн-пропаганды национализма и другого контента, нарушающего закон (уровень значимости 95%; альфа = 0,05); пунктиром с точкой обозначено положительное отношение к онлайн-сетевой практике, длинным пунктиром с точкой — негативное

Напротив, установка на игнорирование проблемы распространения национализма и другого незаконного контента в сетевой среде (16,5% опрошенных) значимо коррелирует с положительной оценкой развития онлайн-сетевых политических партий и движений, однозначным одобрением развития онлайн-сетевых форм протестных движений, нейтральным отношением к развитию онлайн-сетевых форм добровольческих/волонтерских организаций. Однако анализируемая установка взаимосвязана с негативным восприятием развития онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций. Исходя из этого, те респонденты, которые не осознают важности проблемы незаконного контента в сети Интернет, довольно позитивно настроены в отношении политических, в том числе протестных, сетевых практик. Из социально-демографических характеристик с рассматриваемой установкой существенно взаимосвязана принадлежность к маскулинной гендерной группе и техническому профилю образования (рис. 8).

Установка на необходимость государственного контроля над Интернетом (14,1% респондентов) обладает значимыми взаимосвязями с положительной оценкой развития онлайн-сетевых политических партий и движений и одобрением развития онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций (рис. 9). Данная установка также коррелирует с проживанием в сельской местности и естественно-научным характером образования.

Отрицательное отношение к государственному регулированию интернет-контента (31,5% всех опрошенных) взаимосвязано с критическим восприятием молодежью развития онлайн-сетевых политических партий и движений, неодобрительной оценкой развития онлайн-сетевых форм коммуникации с представителями религиозных организаций, при этом позитивным отношением к развитию онлайн-сетевых форм протестных движений (рис. 10). Иными словами, непризнание необходимости регулировать сетевое пространство вполне очевидно предопределяет позитив в отношении возможности развития сетевого протеста.

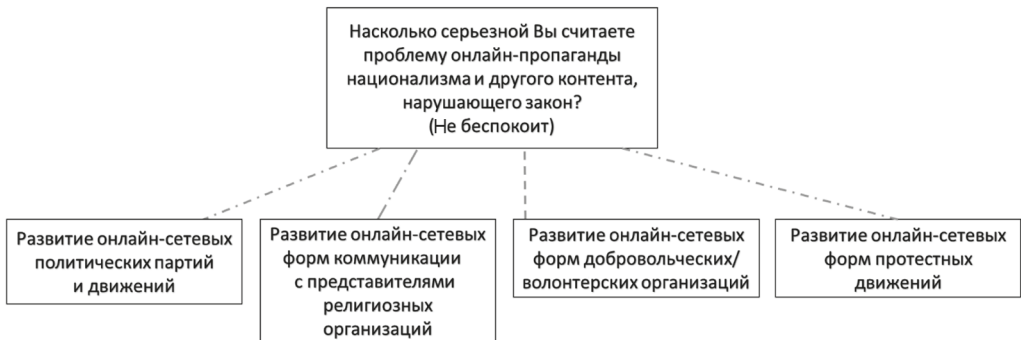

Рис. 8. Значимые корреляции установки на игнорирование остроты и важности проблемы онлайн-пропаганды национализма и другого контента, нарушающего закон (уровень значимости 95%; альфа = 0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное, длинным пунктиром с точкой — негативное

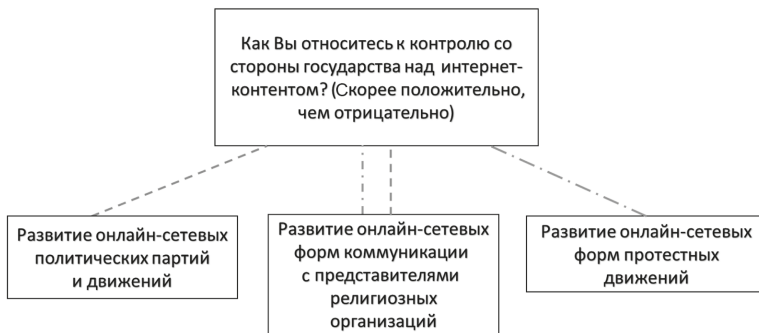

Рис. 9. Значимые корреляции установки на признание необходимости государственного контроля сетевой среды (уровень значимости 95%; альфа = 0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное, длинным пунктиром с точкой — негативное

Негативная оценка государственного контроля Интернета связана с принадлежностью к маскулинной гендерной группе и техническому профилю образования.

Исследование показало, что модальной тенденцией служит равнодушное и в ряде случаев скептическое отношение российского молодого поколения к политическим функциям глобальной сети. Такое безразличие к сетевым практикам реализации политической субъектности выражают те молодые граждане России, которые ориентированы на семейные ценности, ценности путешествий по всему миру, дружбы, творчества, а также те, кто считает бережное и уважительное отношение к традициям страны главным проявлением гражданственности. Таким образом, огромное разнообразие ценностных ориентиров объединяет большинство молодежи в одном — «сетевом политическом абсентеизме».

Рис. 10. Значимые корреляции установки на непризнание необходимости государственного контроля сетевой среды (уровень значимости 95%; альфа = 0,05); пунктиром обозначено нейтральное отношение к онлайн-сетевой практике, пунктиром с точкой — положительное, длинным пунктиром с точкой — негативное

Обращает на себя внимание доминанта негативного отношения молодежи России к распространению сетевых практик религиозных структур. Этой однозначно негативной оценки придерживаются молодые представители, для которых важны ценность путешествий по всему миру и установка на соблюдение законов как важное проявление гражданственности, те, кто осознает важность проблемы распространения национализма в сети Интернет, и те, кто не признает необходимости государственного контроля сетевого контента. Другими словами, представители противоположных ценностных установок и взглядов вновь сходятся в одном — неприятии сетевой деятельности духовных институтов.

Еще одна доминанта в оценках онлайн сетевых практик российской молодежи — позитивное отношение к сетевому протесту. Эти установки выражают сторонники ценности материального богатства, такого проявления гражданственности, как защита слабых и борьба за справедливость, а также представители позиции неосознания проблемы распространения национализма в глобальной сети и осуждения государственного контроля интернет-контента.

Восприятие сетевой коммуникации как способа повышения личного и общественного благополучия отличает в большей мере тех молодых россиян, для которых высшая ценность жизни — семья, и тех, кто ориентирован на сохранение родного языка как основного проявления гражданственности.

Выводы. Результаты исследования выявили парадоксы «цифрового гражданства» молодых россиян: противоположные тенденции избегания политики и расширения сетевого протеста. Определенное противоречие фиксируют некоторые исследования, закладывая основы дискуссии о факторах и следствиях трансформации политического участия.

Исследование гражданского движения «рассерженных горожан» в России в 2011–2012 гг. на основе качественных социологических методов диагностировало парадокс протестов: подавляющее большинство участников требовали

политических изменений, но декларировали неприятие политики. Участники протестов отстранялись от идеологии, политических институтов и лидеров, апеллируя к моральным принципам. Такой парадокс составлял одновременно силу и слабость гражданского движения. Аполитичность обеспечивала движению массовость, но одновременно с этим бегство от политики и отвращение к ней обусловлены поражением движения. Деполитизация лишила людей возможности выработать общую политическую идентичность и организацию, общий язык обсуждения политики (Политика аполитичных..., 2015). Однако, по сути, политизация происходит на основе прежде выработанных аполитичности и антиполитичности, которые в конечном счете концентрируются на неприятии действующей власти.

Среди молодежи неприятие политики носит наиболее выраженный характер. Российские исследователи склонны рассматривать дистанцирование молодежи от политики как феномен. Некоторые авторы, исследующие особенности политического участия российской молодежи, в том числе распространенность позиции «отстраненного зрителя», объясняют данную ситуацию произошедшей «дефектной социализацией» (Гудков, Дубин, Зоркая, 2011, с. 57–60). Другие рассматривают «антиполитичную» позицию, исходя из отношения к политике как чуждой области, в которой любая активность бессмысленна, при этом «антиполитичность» может сочетаться с информированностью о политических событиях в стране и участием в гражданских инициативах, не воспринимающихся как политические. Причинами отчуждения от политики определяются недоверие к институтам формальной политики и низкий уровень взаимного доверия в обществе (Желнина, 2013, с. 139).

Между тем в ряде зарубежных исследований диагностируется смена парадигмы политического и гражданского участия. Вопреки мнению о том, что аполитичное поколение молодежи выступает предвестником зарождающегося «кризиса демократии» (Furlong, Cartmel, 2007), ученые отмечают, что происходит изменение моделей участия молодых людей, а не снижение гражданской активности (Cammaerts et al., 2014, p. 645).

Весьма распространена интерпретация низкого уровня политического и гражданского участия современной молодежи вследствие индивидуализма, эгоизма и апатичности материалистического поколения, которое не волнует общественные проблемы. Некоторые исследователи считают, что участие молодежи стран ЕС в процессах ограничено не из-за отсутствия интереса к общественному благу, а скорее по причине сочетания контекстуальных и психосоциальных факторов. Молодые люди хотят участвовать в политической жизни, но их внимание отвлекает характер существующего политического дискурса. Он препятствует их включению в политические практики, пренебрегая их потребностями и интересами. Вопреки предположениям о недовольном и апатичном гражданском подходе, у многих молодых европейцев есть сильное желание участвовать в демократической жизни, но это желание не поддерживается существующими демократическими институтами и дискурсами (Cammaerts et al., 2014, p. 645). Молодые люди сегодня являются «занятыми скептиками», которые испытывают недоверие к существующей «формальной»

политике и управляющим государством политикам. Исследователи приходят к выводу, что современная молодежь не устранилась от политики, она испытывает интерес к иному типу и стилю политики (Henn, Weinstein, Wring, 2002, p. 167).

Другие авторы характеризуют молодое поколение как «новаторов политики», особенно в создании сложных новых форм участия посредством социальных медиа. Ставится под сомнение преобладающий в научном дискурсе тезис о политической апатии. Областью повседневного участия молодежи представляется Интернет, который используется как социальное, нерегулируемое молодежное пространство, неформальная площадка для выражения политических взглядов в общественной сфере (Coleman, 2007, p. 257). Политическое участие молодых людей в основном ограничивается новыми формами, поскольку традиционная политика кажется непредставительной и неспособной решать проблемы, связанные с современной молодежной культурой (Bennet, 2008). Происходит отход молодого поколения от традиционных форм участия (членства в партиях, участия в выборах и др.) к альтернативным формам, таким как подписание петиций онлайн, самоорганизация сообществ в социальных сетях, участие в гражданских акциях протеста (Sloam, 2016). Платформы социальных сетей также передают эмоциональные и мотивационные сообщения в поддержку протестной активности, в которых подчеркиваются нравственное негодование, проблемы социальной справедливости и недоверия политическим институтам (Jost et al., 2018).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Перспективным развитием данного исследования представляется выявление маркеров, которые могут указывать на различия в поведенческих характеристиках пользователей социальных сетей, проявляющих готовность к целенаправленной, эффективной и безопасной реализации гражданских и политических задач, способствующих максимизации позитивных эффектов цифровизации в отношении развития гражданского общества и электронной демократии. Под маркерами в том числе понимаются стратегии поведения пользователей, частота их присутствия в сети, количество лайков и репостов в различных сообществах, контент, содержащийся на странице пользователя. Кроме того, выявление таких маркеров в достаточном количестве также позволит восстановить психологические особенности пользователей, на чьих страницах данные маркеры были обнаружены. Тем самым могут быть разработаны стратегии поддержки тех или иных решений пользователей, которые могут быть транслированы в офлайн-среде.

Литература

- Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1–6. М.: Педагогика, 1982–1984.
Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 55–76.

Желнина А. А. Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне политических протестов 2011–2012 годов // Социология власти. 2013. Т. 4. С. 139–149.

Кравченко С. А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 3–9.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132.

Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / под общ. ред. С. В. Ерпылева, А. В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 480 с.

Belshaw D. The Essential Elements of Digital Literacies. 2011. URL: <https://gum-road.com/l/digitlit> (дата обращения: 20.02.2019).

Bennett W. L. Changing Citizenship in the Digital Age. Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 1–24. <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262524827.001>.

Bennett W. L., Wells C., Rank A. Young citizens and civic learning: Two paradigms of citizenship in the digital age // Citizenship Studies. 2009. No. 13 (2). P. 105–120. <https://doi.org/10.1080/13621020902731116>.

Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy Administration Institutions. 2003. Vol. 16, no. 4. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00226>.

Cammaerts B., Bruter M., Banaji S., Harrison S., Anstead N. The Myth of Youth Apathy: Young Europeans' Critical Attitudes Toward Democratic Life // American Behavioral Scientist. 2014. Vol. 58 (5). P. 645–664. <https://doi.org/10.1177/0002764213515992>.

Coleman S. Digital Voices and Analogue Citizenship: Bridging the Gap between Young People and the Democratic Process // Public Policy Research. 2007. Vol. 13 (4). P. 257–261. <https://doi.org/10.1111/j.1070-3535.2006.00451.x>.

Furlong A., Cartmel F. Young People and Social Change, New Perspectives. 2nd ed. Berkshire: Open University Press, 2007. 185 p. <https://doi.org/10.4324/9780203881965.ch3>.

Henn M., Weinstein M., Wring D. A generation apart? Youth and political participation in Britain // British Journal of Politics and International Relations. 2002. Vol. 4, no. 2. June. P. 167–192. <https://doi.org/10.1111/1467-856X.t01-1-00001>.

Herrera L. Youth and citizenship in the digital age: A view from Egypt // Harvard: Educational Review. 2012. No. 82 (3). P. 333–352. <https://doi.org/10.17763/haer.82.3.88267r117u710300>.

Jones L. M., Mitchell K. J. Defining and measuring youth digital citizenship // New Media & Society. 2016. No. 18. P. 2063–2079. <https://doi.org/10.1177/1461444815577797>.

Jorba L., Bimber B. The Impact of Digital Media on Citizenship from a Global Perspective. In Digital Media and Political Engagement Worldwide: A Comparative Study. Communication, Society and Politics / eds E. Anduiza, M. Jensen, L. Jorba. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 16–38. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139108881.002>.

Jost T. J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // Advances in Political Psychology. 2018. Vol. 39, suppl. 1. P. 85–118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>.

Kaigo M. The Necessity of Digital Citizenship and Participation Information (Switzerland). 2017. No. 8 (1). P. 28. <https://doi.org/10.3390/info8010028>.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. New York: Oxford University Press, 2005. 301 p.

Mattson K. Digital Citizenship in Action: Empowering Students to Engage in Online Communities. Portland: International Society for Technology in Education, 2017. 134 p.

Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA: The MIT Press, 2007. 240 p. <https://doi.org/10.1080/19331680802290972>.

Ohler J. Digital Community, Digital Citizen. Corwin, 2010. 256 p.

Ribble M. Digital Citizenship for Educational Change // Kappa Delta Pi Record. 2012. Vol. 48, iss. 4. P. 148–151. <https://doi.org/10.1080/00228958.2012.734015>.

Sloam J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016. Vol. 18 (3). P. 521–537. <https://doi.org/10.1177/1369148116647176>.

Vromen A. Digital Citizenship and Political Engagement // *Digital Citizenship and Political Engagement*. Palgrave Macmillan UK, 2017. P. 9–49. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-48865-7>.

Бродовская Елена Викторовна — д-р полит. наук, проф.; brodovskaya@inbox.ru

Домбровская Анна Юрьевна — д-р соц. наук, доц.; an-doc@yandex.ru

Пырма Роман Васильевич — канд. полит. наук, доц.; RVPyrma@fa.ru

Азаров Артур Александрович — канд. тех. наук; artur-azarov@yandex.ru

Синяков Алексей Викторович — зав. уч. лаб.; alekssin@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 24 февраля 2019 г.;

рекомендована к печати: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: *Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А., Синяков А. В.* «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2019. Т. 15, № 3. С. 326–344. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301>

“DIGITAL CITIZENSHIP” IN THE ESTIMATIONS OF RUSSIAN YOUTH

Elena V. Brodovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993 (GSP–3), Russia

Moscow State Pedagogical University,
1/1, ul. M. Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russia; brodovskaya@inbox.ru

Anna Yu. Dombrovskaya

Moscow State Pedagogical University,
1/1, ul. M. Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russia

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993 (GSP–3), Russia; an-doc@yandex.ru

Roman V. Pyрма

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993 (GSP–3), Russia; pyрма@mail.ru

Artur A. Azarov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993 (GSP–3), Russia; artur-azarov@yandex.ru

Alexey V. Sinyakov

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia; alekssin@gmail.com

The results of the Russian Youth “digital citizenship” research presented in the article are based on the All-Russian mass survey of young people, conducted in July-October 2018. The correlation analysis was based on the Fisher coefficient and allowed to identify significant relations between

the estimates of network political and civil practices by the younger generation and the value orientations, civil attitudes, socio-demographic characteristics. The dominance of several profiles of these relationships was established. The first of them is reflected in the skeptical attitude of the Russian younger generation to the political functions of the global youth and the “network political absenteeism” of young people, who are focused on the values of family, friendship and travelling around the world. The second profile is a positive attitude to the network protest of the Russian youth who value material wealth; those who consider the defense of the weak and the struggle for justice to be the main ways of manifestation of citizenship, as well as representatives of the position of not realizing the problem of the spread of nationalism in the global network and condemnation of state control of Internet content. The third profile — the perception of network communication as a way to increase personal and social well-being — characterizes family-oriented young Russians and those of them for whom the preservation of their native language is the main manifestation of citizenship. The results of the study may be of interest to the Ministry of Education of the Russian Federation, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, educational institutions from the standpoint of the development and implementation of technologies for the formation of “digital citizenship” of the younger generation of Russians.

Keywords: Russian youth, “digital citizenship”, network citizen participation, network political participation, value orientations, manifestations of citizenship, network freedom, network control, online questioning, correlation analysis, Fisher coefficient.

References

- Belshaw D. *The Essential Elements of Digital Literacies*. 2011. Available at: <https://gum-road.com/1/digilit> (accessed: 20.02.2019).
- Bennett W. L. *Changing Citizenship in the Digital Age. Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008, pp. 1–24. <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262524827.001>.
- Bennett W. L., Wells C., Rank A. Young citizens and civic learning: Two paradigms of citizenship in the digital age. *Citizenship Studies*, 2009, No. 13 (2), pp. 105–120. <https://doi.org/10.1080/13621020902731116>.
- Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Transboundary Spaces. *Governance: An International Journal of Policy Administration Institutions*, 2003, vol. 16, no. 4. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00226>.
- Cammaerts B., Bruter M., Banaji S., Harrison S., Anstead N. The Myth of Youth Apathy: Young Europeans’ Critical Attitudes Toward Democratic Life. *American Behavioral Scientist*, 2014, vol. 58 (5), pp. 645–664. <https://doi.org/10.1177/0002764213515992>.
- Coleman S. Digital Voices and Analogue Citizenship: Bridging the Gap between Young People and the Democratic Process. *Public Policy Research*, 2007, vol. 13 (4), pp. 257–261. <https://doi.org/10.1111/j.1070-3535.2006.00451.x>.
- Furlong A., Cartmel F. *Young People and Social Change, New Perspectives*, 2nd ed. Berkshire, Open University Press, 2007. 185 p. <https://doi.org/10.4324/9780203881965.ch3>.
- Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaia N. A. *Youth of Russia*. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2011, pp. 55–76. (In Russian)
- Henn M., Weinstein M., Wring D. A generation apart? Youth and political participation in Britain. *British Journal of Politics and International Relations*, 2002, vol. 4, no. 2, June, pp. 167–192. <https://doi.org/10.1111/1467-856X.t01-1-00001>.
- Herrera L. Youth and citizenship in the digital age: A view from Egypt. *Harvard Educational Review*. 2012, no. 82 (3), pp. 333–352. <https://doi.org/10.17763/haer.82.3.88267r117u710300>.
- Jones L. M., Mitchell K. J. Defining and measuring youth digital citizenship. *New Media & Society*. 2016, no. 18, pp. 2063–2079. <https://doi.org/10.1177/1461444815577797>.
- Jorba L., Bimber B. The Impact of Digital Media on Citizenship from a Global Perspective. *Digital Media and Political Engagement Worldwide: A Comparative Study. Communication, Society*

and Politics, Eds E. Anduiza, M. Jensen, L. Jorba. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 16–38. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139108881.002>.

Jost T. J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*, 2018, vol. 39, suppl. 1, pp. 85–118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>.

Kaigo M. The Necessity of Digital Citizenship and Participation. *Information (Switzerland)*, 2017, no. 8 (1), p. 28. <https://doi.org/10.3390/info8010028>.

Kravchenko S. A. To the results of the VIII Conference of the European Sociological Association: thematic, theoretical and methodological innovations. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2008, no. 2, pp. 3–9. (In Russian)

Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York, Oxford University Press, 2005. 301 p.

Lotman Iu. M. Semiotics of culture and the concept of text. Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i*. Vol. 1. Tallinn, 1992, pp. 129–132. (In Russian)

Mattson K. *Digital Citizenship in Action: Empowering Students to Engage in Online Communities*. Portland, International Society for Technology in Education, 2017. 134 p.

Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA, The MIT Press, 2007. 240 p. <https://doi.org/10.1080/19331680802290972>.

Ohler J. *Digital Community, Digital Citizen*. Corwin, 2010. 256 p.

Ribble M. Digital Citizenship for Educational Change. *Kappa Delta Pi Record*, 2012, vol. 48, iss. 4, pp. 148–151. <https://doi.org/10.1080/00228958.2012.734015>.

Sloam J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union. *The British Journal of Politics and International Relations*, 2016, vol. 18 (3), pp. 521–537. <https://doi.org/10.1177/1369148116647176>.

The policy of apolitical: civil movements in Russia, 2011–2013, Eds S. V. Erpyleva, A. V. Magun. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 480 p. (In Russian)

Vromen A. Digital Citizenship and Political Engagement. *Digital Citizenship and Political Engagement*. Palgrave Macmillan UK, 2017, pp. 9–49. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-48865-7>.

Vygotskii L. S. *Collected Works: in 6 vol.*, vol. 1–6. Moscow, Pedagogika Publ., 1982–1984. (In Russian)

Zhel'nina A. A. Freedom from politics: “ordinary” youth against the backdrop of political protests of 2011–2012. *Sotsiologiya vlasti*, 2013, vol. 4, pp. 139–149. (In Russian)

Received: February 24, 2019

Accepted: June 25, 2019

For citation: Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Azarov A. A., Sinyakov A. V. “Digital Citizenship” in the Estimations of Russian Youth. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 326–344. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301> (In Russian)